

Стурьное 47 454

МАРИНА МНИШЕХЪ,

ГНЯЖНА СЕНДОМІРСКАЯ,

ЖЕНА

ДИМИТРІЯ САМОЗВАНЦА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ,

ОТНОСЯЩІЙСЯ КЪ ВРЕМЕНАМЪ

ЦАРЯ БОРИСА ГОДУНОВА, ЛЕДИМИТРІЯ,

ЦАРЯ ВАСИЛІЯ ШУЙСКАГО И МЕЖДУЦАРСТВІЯ,

СЛУЖАЩІЙ ДОПОЛНЕНІЕМЪ РОМАНА:

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Ив. Грбевъ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ЧАСТЬ III.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Т. ВОЛКОВА И К^О.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. Москва. Февраля 2-го дня
1857 года.

Ценсоръ Н. Гилляровъ-Платоновъ.

— Лесть современниковъ истлѣетъ подъ спудомъ событій, и одна истина, перейдя сокровенными путями къ потомству, обнаружить коварство и себялюбіе, которыя предъ современниками прикрывались завѣсою добродѣтели.

Соз. Ѳ. Буларина, Часть I стр. 92.

МАРИША МНИШЕХЪ.

ГЛАВА I.

Слѣдствія мятежа. — Куракинъ и Осмульскій
бесѣдуютъ. — Новые замыслы Іезуитовъ. —
Самозванецъ живъ. — Слухи.

— «Наконецъ въ 11-ть часовъ утра все
«затихло. Велѣли народу смириться, и народъ,
«утомленный мятежемъ, спѣшилъ домой отды-
«хать и говорить въ семействахъ о чрезвы-
«чайныхъ происшествіяхъ сего дня, незабвен-
«наго для тѣхъ, которые были свидѣтелями
«его ужасовъ. — Въ теченіе семи часовъ,
«пишутъ они, мы не слышали ничего, кро-
«мѣ набата, стрѣльбы, стука мечей и

«крика: стѣки, руби злодѣевъ! не видали ничего, кромѣ волненія, бѣганія, скаканія, смертоубійства и мятежа» (1).

Такъ пишутъ историки о семъ горестномъ для человѣчества днѣ, который несравненно былъ бы ужаснѣе, еслибы Поляки не предались самонадѣянню и оплошности. Побѣда укротила злобу. Знатнѣйшіе сановники и послы Польскіе спасены. Сонмъ бояръ, подъ предсѣдательствомъ князя Василія Шуйскаго и князя Мстиславскаго, отличавшагося добродушіемъ, честностію, мужествомъ и смиреніемъ, составили временную правительственную Думу, именемъ которой старались привести все въ порядокъ и защитить пословъ Сигизмундовыхъ отъ народа; между тѣмъ, клеветы Шуйскаго дѣйствовали съ отличнымъ успѣхомъ, и на другой же день, въ народѣ, уже поговаривали, что проихожденіе князя Василія Шуйскаго отъ Рурика, Мономаха, Александра Невскаго (2), даетъ ему право на престолъ, а смѣлость въ обличеніи Самозванца, чудесное спасеніе отъ казни и безстрашіе въ грозный часъ спа-

самыя вѣры и отечества отъ напастей Лиховъ,
дѣлая его героемъ, утверждаютъ его еще бо-
лѣе въ семь правъ.

Солнце, совершивъ половину своего дневнаго
пути, склонялось уже къ западу. Въ Москвѣ
при всѣхъ уже церквахъ раздавался благо-
вѣстъ къ вечернѣ. Бояринъ Иванъ Семео-
вичъ Куракинъ, по Русскому обычаю, отды-
халъ послѣ обѣда, и уже вставши, въ легкомъ
пирюсеновомъ ошашнѣ, ходилъ по широкому
двору своему, поросшему травой, и обсажен-
ному вокругъ забора густыми липами. Вдругъ
кто-тобрякнулъ бѣльцомъ у калитки. Бояринъ
подождалъ, поднявъ щеколду, и встрѣтилъ сту-
навдагся.

— Милости просимъ, Григорій Василье-
вичъ! сказать вамъ, впуская гостя и опять
заперая калитку новыхъ тесовыхъ воротъ
своихъ. — Милости просимъ! что такъ такъ
долго не было? Откуда ты?

— Изъ Кремля, Иванъ Семеновичъ;—я думалъ, что увижу васъ тамъ въ Думѣ, анъ васъ тамъ не было.

— Нѣтъ, Григорій Васильевичъ, что мнѣ тамъ дѣлать. Я ужъ старъ. Пусть ихъ тамъ судятъ да радятъ: мы свое дѣло сдѣлали. Что новаго слышно?

— Избираютъ новаго царя.

— Доброе дѣло! Безъ царя и царство не царство!

— Но Богъ вѣсть, что будетъ; кажется, князь Василій Ивановичъ утвердится.

— Воля Господня! Кого Онъ благословить, тотъ и царемъ будетъ!

— Многіе хотятъ князя Феодора Мстиславскаго.

— Князя Феодора? я знаю: Князь Феодоръ мнѣ другъ, онъ не согласится никогда на державство. Царемъ быть великое дѣло! Отъ царя требуется много, очень много!

— Твоя правда, Иванъ Семеновичъ; но отказываться.... воля твоя, — князь Феодоръ не-справедливъ.

— Почему же?

— А вотъ почему: искать престола, добиваться его—не должно никому, но если общій голосъ народа избираетъ уже, тогда отказываться кто можетъ? Это служеніе отечеству, служеніе волѣ Божіей.

— Твоя правда, Григорій, но если князь Θεодоръ и отказывается, то это потому, что онъ становится уже дряхль, а теперешнія смутныя времена требуютъ не однихъ силъ душевныхъ, но и телесныхъ; какъ ты думаешь, Поляки неужели оставлять сей случай безъ вниманія? Неужели они не захотятъ отмстить намъ избіеніе братій ихъ?

— О, это дѣло, такъ сказать, рѣшеное: Поляки древніе враги Россіи; Поляки ужъ не разъ были виною бѣдъ нашей родины; они возвели и прошлеца этого на престолъ нашъ; но этого еще мало: утверждаютъ, что это Отрепьевъ. Сомнѣваюсь: я жилъ въ Польшѣ, пользовался дружбою Осмульскаго—ахъ, какой это доброй человѣкъ!—и знаю, если не навѣрно, то по крайней мѣрѣ почти несомнѣнно, что

этотъ прошлецъ есть Полякъ, воспитанный Леззитами, для погибели Россіи, для диспроверженія нашего православія (3).

— И я готовъ думать то же. Полагаю, что Поляки не оставятъ начатаго дѣла, особенно тогда, когда первая попытка удалась имъ столь успѣшно. Я говаривалъ Борису Θεодоровичу— Богъ судить дѣла его!—что не должно было такъ долго держать въ Москвѣ посла Польскаго, Льва Сапѣгу, что этотъ хитрый Литовскій канцлеръ не даромъ жилъ въ Москвѣ:— покойный меня не послушалъ!

— Признаюсь, Иванъ Семеновичъ, имя царское, имя Димитрія, одно только это святое для насъ имя, споспѣшествовало замыслу Поляковъ; но кто такъ былъ увѣренъ въ истинѣ, какъ я, у того не дрожала рука держать на этого святотатца: такъ, рука моя не дрогнула поразить лжецаря.

— И меня не укоряетъ совѣсть:—я видѣлъ гибель Россіи, видѣлъ торжествующее нечестіе въ стѣнахъ нашего Кремля, видѣлъ, какъ

учреждалась Латинская церковь, Латинская школа, самъ указалъ народу на домъ беззаконія.

— Паписты скрылись у своихъ купцовъ; убиты только Іезуитъ *Помасскій*, и еще нѣкоторые изъ служителей.

— По крайней мѣрѣ, — продолжалъ Иванъ Семеновичъ, подводя Валуева къ широкой дубовой скамьѣ, врытой въ землю подлѣ высокаго крыльца, и сядясь на оную, — по крайней мѣрѣ хорошо, что скоро удалось намъ унять кровопролитіе. Народъ былъ въ большомъ ожесточеніи.

— Онъ имѣлъ на это причины, и вѣроятно не раскается. Торжество Ляховъ должно же было встрѣтить препону. Они презирали насъ за нашу покорность.

— Послушай, Григорій, а знаешь ли ты, что это вызовъ на брань?

— Правая брань намъ не укора. Неужели Русскіе забудутъ, что дѣлали въ Москвѣ Поляки?

— Но согласишься, что теперь царю нашему предстоятъ великія трудности.

— Помоги ему, Господи! намъ нечего бояться Ляховъ, но... Лице Валуева покрылось какою-то мрачностію: онъ погрузился въ думу.

— Что ты, Григорій Семеновичъ? Ты о чемъ-то думаешь?

— Господи, помоги царю Русскому! Неужели еще мѣра гнѣва Его не исполнилась надъ землею Русскою? Неужели опасенія мои будутъ справедливы?

— Развѣ еще что нибудь угрожаетъ намъ?

— Богъ знаетъ, а я собственно за симъ и пришелъ сюда. Что Осмульскій? Есть ли ему лучше? Намъ надобно переговорить съ нимъ.

— Какъ заблагоувѣстили къ вечернѣ, то я, проснувшись, былъ у него въ свѣтлицѣ. Ему лучше, гораздо лучше, теперь сидитъ при немъ племянникъ мой. Но что такое хотѣлъ ты, Григорій, поговорить съ нимъ?

— Дѣло важное. Я былъ сегодня у Литовскихъ пословъ въ домѣ, и въ другомъ противъ ихъ (4), у Мнишеха; тамъ начинаютъ поговаривать, что Лжедимитрій спасся отъ нашего пораженія, что онъ живъ, и что за

часть до мятежа ускакалъ верхомъ съ двумя приближенными, неизвѣстно куда, что будто въ полночь потребованы были именемъ царя Димитрія, изъ малой дворцовой конюшни, три Арабскія лошади, и куда дѣлись онѣ, неизвѣстно (5). Это новая хитрость Іезуитовъ!

— «И самая опасная! Господи, спаси землю Русскую! Народъ еще въ волненіи! Но, Григорій Семеновичъ, неужели ты не могъ узнать этого подробнѣе? Ну если...

— Нѣтъ, Иванъ Семеновичъ, это одни замыслы мщенія Іезуитскаго. Я зналъ въ лице Лжедимитрія, и не могъ ошибиться, — еще разъ говорю, я зналъ убійцу невиннаго Пыхачева, и рука моя не дрогнула поразить злодѣя. Ударъ былъ вѣренъ, а объ молвѣ сей я еще не узналъ подробно. Знаю только одно, что Іезуитъ Черниковскій, папъ Мѣховецкій — врагъ Осмульскаго и другъ Лжедимитрія — скрылся, но куда, неизвѣстно; можетъ быть... но я послалъ уже друга нашего Уминскаго въ Литву, отъ имени Осмульскаго въ его

маетности, и препоручилъ узнать все достоверно.

— Что-жь ты думаешь?

— Я... я думаю... ты знаешь, бояринъ, что Басмановъ искалъ престола и замышлялъ противъ Лжедмитрія.

— Басмановъ? его вѣрный защитникъ?

— Да, онъ сдѣлался защитникомъ уже тогда, когда мы предупредили: но объ немъ ни слова; а Мѣховецкій.... Мѣховецкій былъ опаснѣе. Страстно влюбленный въ Марину, еще тогда, когда она не была невѣстою Лжецаря, онъ не хотѣлъ стоять за Дмитрія, но желалъ еще ускорить его паденіе и ревностно защищать Марину, какъ законную царицу. Лжедмитрій, пылкимъ своимъ правомъ, досаждалъ Сигизмунду, пославъ его, и сидя уже на престолѣ, мало подавалъ надежды Іезуитамъ. Мѣховецкій воспользовался симъ и въ хитрецахъ нашелъ себѣ поборниковъ. Поддерживаемый Іезуитами, онъ хотѣлъ въ грозный часъ мятежа совершить свой умыселъ—умертвить врага его Осмульскаго и похитить

Марину; будучи первым любимцем Ажедмитрія, онъ могъ приказать приготовить и трехъ лошадей съ царской конюшни; но онъ не зналъ, что умыселъ его узнали мы; онъ не зналъ, что мы предупредимъ его. Друзья Осмульскаго стерегли Марину. Неудача въ одномъ породила, можетъ быть, другое намѣреніе въ злодѣяхъ; и эти новые слухи о томъ, что Ажедмитрій не убитъ, можетъ быть есть слѣдствіе новаго заговора.. Вотъ, Иванъ Семеновичъ, что думаю я теперь... Осмульскій лучше меня знаетъ связь Мѣховецкаго и способы Іезуитовъ; надобно спросить его.

— Праведный Господи! это ужасно! Гдѣ-жъ теперь Марина?

— Еще во дворцѣ; она больна, лежитъ въ своей комнатѣ; другъ ея — Хмѣлецкая — умерла отъ раны (6).

— Нечего-жъ медлить; пойдемъ къ Осмульскому, Григорій Семеновичъ, и узнаемъ его мнѣніе.

Бояринъ Куракинъ и Валуевъ встали и